

Миф и человек ч.1

Франциск I не был интеллектуалом на троне: он отдавал предпочтение женщинам, турнирам, пышным празднествам и красивой одежде. Но даже если он и не всегда понимал великого старца, которого сумел приблизить к своему двору, все же он испытывал восхищение перед его гением и смиренно выказывал ему почтение. Когда Леонардо в 1516 или 1517 году прибыл в королевский замок в Амбуазе, расположенном примерно в ста шестидесяти километрах к юго-западу от Парижа на реке Луаре, ему сразу был присвоен титул «Первый художник, инженер и архитектор Короля» - не потому, что от него ждали каких-то новых работ, а за то, что он уже сделал. Франциск отвел ему апартаменты в уютной усадьбе Клу, находящейся менее чем в километре от дворца, и часто навещал его там, считая, что полному сил двадцатидвухлетнему королю гораздо легче навестить больного шестидесятичетырехлетнего художника, чем тому просить аудиенции.

Неизгладимое впечатление, которое Леонардо произвел на своего покровителя, засвидетельствовано записками Бенвенуто Челлини, двадцать четыре года спустя приехавшего на службу во Францию. В своих «Воспоминаниях» Челлини пишет о Леонардо, что «король Франциск столь глубоко любил его великие таланты и испытывал столь великое удовольствие, слушая его речи, что в году было очень мало дней, которые бы он пропел без бесед с ним... Он говорил, что не верит, что на земле когда-либо жил человек столь обширных знаний, как Леонардо, причём в области не только скульптуры, живописи и архитектуры, но и философии, потому что он был великим философом».

В 1517 году кардинал Луи Арагонский посетил Леонардо в его усадьбе; описание этого визита было сделано секретарем кардинала Антонио де Беатисом: «10 октября 1517 года монсеньор и иже с ним посетили в одной из отдаленных частей Амбуаза мессэра Люнардо Винчи, флорентийца, седобородого старца, которому более семидесяти лет, — самого превосходного художника нашего времени. Он показал его превосходительству три картины: одну с изображением флорентийской дамы, писанную с натуры по просьбе брата Лоренцо Великолепного Джулиано Медичи, другую — святой Иоанн Креститель в молодости и третью -Святая Анна с Марией и младенцем Христом; все в высшей степени прекрасные. От самого мастера в связи с тем, что у него в то время была парализована правая рука, уже нельзя было ожидать новых хороших хороших работ». В тексте также упоминается «огромное количество томов, написанных просторечным языком», в которых речь идет об анатомии, гидравлике, машинерии и других предметах: эти тома, «если их опубликовать будут полезным и чрезвычайно занимательным чтением».

Секретарь кардинала ошибся: в это время Леонардо было вовсе не за семьдесят, а шестьдесят пять лет, хотя он и выглядел древним старцем. Вполне вероятно, что правая рука его действительно была парализована после удара, но скорее всего секретарь не знал, что Леонардо левша и поэтому вполне способен работать, о чем свидетельствуют его поздние записи, сделанные твердым, ясным почерком. Что касается трех упомянутых картин, то «Святой Иоанн Креститель и «Св. Анна с Марией и младенцем Христом» идентифицируются без труда, а вот «некая флорентийская дама», по мнению большинства исследователей, — это « [Мона Лиза](#) ». Возможно, однако, что это был другой портрет, от которого не сохранилось ни свидетельств, ни копий Джулиано Медичи не имел никакого отношения к Моне Лизе. Но вполне вероятно, что секретарь,

перегруженный работой и впечатлениями, обронил имя Медичи по небрежности. Несмотря на болезнь и постоянное внимание короля Франциска (который любил приходить к художнику без предупреждения приблизительно с такими словами: «Расскажи мне о душе»), Леонардо ухитрился кое-что сделать в Амбуазе. Почти вероятно, что он больше не занимался живописью, разве что добавлял штрих-другой к уже закопченным картинам, тем, что были у него под рукой. Его интересовала прокладка каналов в долине Луары и ее притоков: сохранилось его два гидрографических рисунка с названиями французских рек. Возможно, он рисовал планы, а может быть, даже руководил закладкой фундамента огромной крепости, которую Франциск задумал строить в Роморантене. Вероятно, Леонардо принимал участие и в подготовке придворных празднеств. Правда, его последний рисунок костюма датируется временем около 1512 года - перед тем как он покинул Милан и уехал в Рим, однако вполне возможно, что некоторые эскизы он сделал во Франции около 1517 или 1518 года. В описаниях мистерики, поставленной в близлежащем от Амбуаза замке Блуа, присутствует механический лев, которого вряд ли кто-либо, кроме Леонардо, смог бы придумать и сконструировать. Огромный лев, очевидно, приводимый в движение пружинами, сделал несколько шагов навстречу королю, как будто собираясь па него напасть. Когда король ударил его жезлом, он остановился, грудь его раскрылась, и все увидели белые французские лилии на голубом поле.

О других занятиях Леонардо во Франции известно очень мало. Можно себе представить, что он, как некий престарелый Просперо, мирно погружался в дремоту, переходя из жизни в смерть. Среди его последних рисунков есть один, похожий па автопортрет: па берегу реки сидит старик, погруженный в столь глубокое созерцание, что, кажется, только последняя труба архангела сможет пробудить его. Он умер 2 мая 1519 года, через год после того, как написал завещание, по которому свои рисунки и бумаги оставлял Франческо- Мельцн, кое-какие деньги — сводным братьям, а виноградник близ Милана — Салаи.

Как только Леонардо был опущен в могилу, смутная дымка таинственности, окружавшая его имя при жизни, стала гуще. Со времен, она превратилась в облака, на которых он был вознесен. Его стали с обожествлять.

Через тридцать один год после смерти Леонардо Вазари представил его потомкам так: «Величайшие достоинства, которыми когда-либо обладал человек, как ниспосланные свыше, так и врожденные, — или нет, все же сверхъестественные, чудесным образом соединившиеся в одном человеке: красота, грации, талант — были таковы, что, к чему бы этот человек, столь счастливо одаренный, ни обращался, любое его действие было божественно; он всегда оставлял всех других людей позади, и это воочию доказывало, что он ведом рукой самого Господа». Несмотря на всю скупуюлезность, с какой Вазари постарался описать жизнь Леонардо, он тем не менее рассказал о его смерти абсолютно тенденциозно, соответственно тому «божественному образу», который пытался нарисовать: «Тогда с ним случился припадок, предвестник смерти. Король встал и приподнял его голову, чтобы помочь ему; он делал все возможное, чтобы облегчить ему боль. Леонардо, поняв, что никогда не сможет удостоиться большей чести, отдал Богу душу на руках короля. Его божественный дух его покинул».

На самом деле король Франциск в день смерти Леонардо был очень далеко от его дома,

в резиденции Сен-Жермен-ан-Лейе под Парижем. Однако версия Вазари была живуча, и по этой версии художник оказывался столь же велик, как и король, а может быть, даже еще более. По этой версии нее, к чему прикасалась рука Леонардо, достойно восхищения и бесценно. Этой точки зрения придерживался не только Вазари, но и многие биографы поздних времен. Когда оказалось, что небольшое количество работ Леонардо не может удовлетворить тех, кто не сомневается в его непререкаемом авторитете, появилось огромное количество копий и бледных подражаний, претендующих на то, чтобы их принимали за оригиналы. Со временем причисление Леонардо к лику святых стало общим местом. Исследователи второй половины XVI, затем XVII и XVIII веков до отвращения неприятны в своем восхвалении каждого предмета, который хоть отдаленно мог быть связан с именем мастера. Последовавшая затем реакция была неизбежна. Джон Рёскин, блестящий английский эссеист XIX века, профессор изящных искусств, имел мужество заявить, что Леонардо в конце концов был всего лишь человек и что его картины, как, кстати, и те, что созданы другими живописцами, написаны всего лишь красками, наложенными на загрунтованную поверхность. Рёскин, конечно, восхищался работами Леонардо, однако при этом давал понять, что, по его мнению, мастер был несколько переоценен и что он, по существу, всего лишь «раб архаической улыбки». Французский импрессионист Пьер-Огюст Ренуар был более груб. «Леонардо да Винчи мне надоел, — сказал он. — Ему бы следовало заниматься своими летательными машинами. Его Христос и апостолы насквозь сентиментальны. Я абсолютно уверен, что эти еврейские рыбаки готовы были пожертвовать своей шкурой за веру, не испытывая необходимости выглядеть как умирающие утки во время грозы». Реакция Ренуара была вполне понятной. И очень своевременной.